

Джон Голсуорси

Распря

I

Психологические причины ее, как и большинства человеческих симпатий и антипатий, были неясны, но все же, как большинство человеческих симпатий и антипатий, она имела вполне определенное начало — тот самый миг, когда рыжая собака Баудена укусила в ногу Стира, который в тот день был без гетр. Но даже тогда, пожалуй, не пошла бы у них, как говорится, эта распря, если б не деревенские понятия о справедливости, заставившие Стира принести на другой день ружье и торжественно пристрелить собаку. Она перед тем покусала еще двоих, и даже Бауден, который любил свою гончую, не заступился за нее, но у него осталось смутное ощущение, что этот выстрел лишил его законной собственности, и глухое чувство, что он предал свою собаку. Сир был родом не то с севера, не то с востока, откуда-то из Линкольншира, он был здесь чужим, как и фрисландский скот, который он скрещивал у себя на ферме с девонским, и Бауден в глубине души безотчетно чувствовал, что именно поэтому его собака и укусила Стира. Снипу, как и

его хозяину, не по душе были всякие новшества, которые вводил у себя на ферме этот худой, энергичный человек с рыжей, чуть седоватой бородой, успевавший во всем опередить Баудена, где на час, а где — на неделю или даже на месяц; не по душе обоим была его тощая фигура, тонкие ноги, его сухая деловитость и резкость. Бауден понимал, что и он пристрелил бы собаку Стира, если б она укусила его, а до этого еще двоих; но собака Стира не укусила Баудена, а вот собака Баудена укусила Стира; и это, как казалось Баудену, свидетельствовало о том, что его собака знала, кого кусать. И, зарывая бедного пса, он бормотал: «Мерзавец! Хотел бы я знать, чего это ради он пришел ко мне на двор в воскресных штанах, — небось, все вынюхивал, да высматривал!» И с каждой лопатой земли, которую он бросал на тощее рыжее собачье тело, неотвязное возмущение все больше наполняло его и, не находя выхода, влияло на его мысли.

А схоронить собаку как следует было делом долгим и нелегким.

«Пришел и пристрелил мою собаку, да еще в воскресенье, а я ее теперь зарывай», — думал Бауден, утирая свое круглое, румяное лицо; и он плюнул на землю с такой яростью, словно плевал в лицо Стиру.

Кончив работу и вкатив на холмик большой

камень, он в прескверном настроении пошел в дом, уселся на кухне и сказал:

— Эй, девка, нацеди-ка мне стакан сидру. — А выпив сидр, поднял голову и произнес: — Я схоронил ее как полагается.

Собственно говоря, это был гончий пес, от которого на ферме не было никакой пользы, кобель, но Бауден привык называть его «она». Темноволосая, широколицая, угрюмая девушка, к которой он обращался, покраснела и поглядела на него широко раскрытыми серыми глазами.

— Какая жалость! — пробормотала она.

— Эх! — сказал Бауден.

Бауден хозяйствовал у подножия холма на сотне акров земли, которая местами была поплоше, местами — получше. Он был вдов и жил с матерью и единственным сыном. Это был покладистый и спокойный человек, круглоголовый, темноволосый и румяный, обладавший удивительной способностью жить настоящим, не задумываясь о будущем. Стоило только на него взглянуть, и сразу становилось ясно, что этому человеку чужды душевные терзания. Но ведь на первый взгляд можно приписать жителю Западной Англии столько свойств, которых на самом деле у него нет... Он был из самых коренных местных жителей — род его восходил к тем временам, когда метрических книг здесь и в помине не было; его

предки исстари были церковными старостами. Его отец, «папаша Бауден», красавец, весельчак и немножко распутник, дожил до девяноста лет. Да и самому Баудену давно перевалило за пятьдесят, а у него не было ни одного седого волоса. На жизнь он смотрел легко и не слишком утруждал себя работой на ферме, где отвел почти всю землю под пастбище. С усмешкой консерватора (хотя Бауден принадлежал к либеральной партии) следил он за непонятными упорными попытками своего соседа Стира, который был консерватором, выращивать пшеницу, разводить фрисландский скот и применять новомодные машины. Смир, приехав в эти места, служил сначала управляющим чужим именем, и это вызывало тайное презрение Баудена, чьи предки с незапамятных времен имели собственную землю. Мать Баудена, старушка восьмидесяти восьми лет, сухонькая, маленькая, едва ворочавшая языком, с блестящими черными глазами и бесчисленными морщинами, по целым дням сидела где-нибудь в тепле, берегла силы. У сына Баудена, Неда, двадцатичетырехлетнего парня, круглоголового, как все Баудены, глаза и волосы были чуть светлее, чем у отца. В то время, когда Смир пристрелил собаку Баудена, Нед любезничал с племянницей Стира, Молли Уинч, которая вела хозяйство своего дядюшки, закоренелого холостяка. Была среди домочадцев

Баудена еще служанка Пэнси, круглая сирота и, как говорили, незаконнорожденная. Раньше она жила где-то по ту сторону вересковых пустошей, а потом нанялась здесь батрачить за четырнадцать фунтов в год. Она всех сторонилась, эта девушка с мягкими темными волосами, серыми глазами и бледным широким лицом; она была угрюма, легко раздражалась и тогда «кудахтала, как курица»; иногда она казалась совсем некрасивой, а иногда, особенно когда бывала растрогана или взволнована чем-нибудь, вдруг хорошела. На ее плечах лежала вся работа по дому, и ей же приходилось кормить домашнюю птицу, колоть дрова и носить воду. Она очень уставала и поэтому часто бывала в дурном настроении. Допив сидр, Бауден вышел на кухонное крыльцо и остановился там, лениво глядя на носившихся в воздухе комаров. Погода стояла прекрасная, и сено уже убрали с лугов. Наступила тихая пора от одной страды до другой, а он привык в такую пору жить спокойно, и его всегда забавляла мысль о том, что его сосед вечно возится с каким-нибудь «усовершенствованием». Но теперь эта мысль его больше не забавляла. «Вечно этот парень норовит вылезти вперед, обскакать соседей!» Молодой Бауден только что подоил коров и теперь гнал их за ворота. Ну вот, сейчас начнет прихорашиваться, а потом пойдет к Стиру ухаживать за его племянницей! И вдруг это

ухаживание показалось Баудену чем-то противоестественным. Услышав кашель, он обернулся. Пэнси с засученными рукавами стояла позади него.

— Прекрасный вечер, — сказал он. — Погода стоит в самый раз для хлебов. — Когда Бауден давал волю своему эстетическому чувству, то непременно оправдывал такую слабость каким-нибудь замечанием насчет того, какая от этого может быть прибыль или убыток, тогда как Стир обычно ограничивался лишь сухим: «Отличный вечер». Разговаривая со Стиром, всякий чувствовал его независимость передового индивидуалиста, который не в силах скрыть свой характер. С Бауденом же можно было общаться неделями, не подозревая, что под его невозмутимым добродушием кроется индивидуализм столь же упорный, как и у Стира. На первый взгляд Стир мог показаться гораздо более современным и «цивилизованным», но если взглянуть глубже, то становилось ясно, что Бауден «цивилизовался» гораздо раньше. Просто его защитная оболочка образовалась в более мягком климате или же была унаследована от более древних предков.

— Вон как комары расплясались, — сказал он. — Это к хорошей погоде. — И служанка Пэнси кивнула. Глядя, как она вертит рукоятку

сепаратора, он заметил, что глаза ее были устремлены на Неда, затворявшего в эту минуту ворота. Пэнси была миловидная девушка, с красивыми загорелыми руками и черными шелковистыми волосами, которые она то и дело откидывала со лба свободной рукой, и старому фермеру доставляло удовольствие то, что она глаз не сводит с его сына.

«Стоит Неду только захотеть, и девчонка будет его! — думал он. Ей-богу, вот было бы здорово таким манером утереть нос Стиру: предпочесть эту служанку его бесценной племяннице». Сказать, что эта мысль породила у него соответствующее решение, значило бы слишком определенно выразить блуждающие мысли Баудена, — мозг его всегда работал лениво; но она затаилась и не покидала его, когда он, взяв свою ясеневую палку, пошел взглянуть до ужина на молодого бычка. На лугу, поросшем осокой, где пасся рыжий бычок, Бауден постоял немного, прислонившись к ограде, а над головой у него, высоко в небе, летали ласточки. Бычок был «что надо», еще год, и он станет лучше хваленого быка Стира, да, да, несомненно! На миг в Баудене вдруг проснулся дикарь, и тут же все его существо переполнило радость, в которой фермер никогда не признается, — радость, рожденная запахами и видом его полей; звуками, разносящимися над ними

в этот погожий день; лазурью над головой и зеленью под ногами; сверканием тонкой нити воды, почти потерявшейся среди камышей; видом сабельника да львиного зева в лучах медленно заходящего солнца; песней жаворонка и шелестом ясеней; блеском рыжей шкуры бычка и хрустом травы у него на зубах. Три кролика пробежали по лугу и скрылись в живой изгороди. А этот негодяй пристрелил его собаку, которая переловила столько кроликов на его полях, сколько ни одна из прежних! Он постучал палкой по воротам. Бычок лениво поднял голову, поглядел на хозяина и, отгоняя хвостом мух, снова принялся щипать траву.

«Пристрелил мою собаку! — думал Бауден. — Мою собаку! Ну погоди ж ты у меня!»

II

Служанка Пэнси повернула рукоятку сепаратора, и под его жалобное жужжание в ней медленно зашевелились смутные, но мучительные мысли и чувства. Ее работа не располагала к размышлениям. У нее ныла поясница, потому что всю неделю, пока шла уборка сена, она работала не разгибаясь, и ныло сердце, потому что у нее не было досуга, как у Молли Уинч и других девушек, чтобы играть на пианино и шить себе платья. Она провела рукой по своей грубой ворсистой юбке. До

чего ж ей надоела эта безобразная вещь! И она быстрее завертела рукоятку сепаратора. Нужно было еще накормить телят и собрать ужин, а уж потом только переодеться в праздничное платье и идти в церковь к вечерне — это было единственное ее воскресное развлечение. Нед Бауден! Ее воображение до того разыгралось, что она представила себе, как они с Недом вместе идут через поля в церковь, а потом поют там псалмы, глядя в один молитвенник. Нед только что взглянул на нее, проходя мимо, словно понял наконец, что она думает о нем вот уже много недель. Густой румянец покрыл ее бледные щеки. Как же девушке не думать о ком-нибудь, она ведь не старуха, как матушка Бауден, чтобы сидеть целыми днями, сложив руки на коленях, и греться на солнышке или у очага, довольствуясь тем, что ей тепло. И она в бешенстве рванула рукоятку. Когда же наконец это молоко перестанет течь? Ведь Нед ни разу не видел ее в праздничном платье, расшитом васильками: по воскресеньям он всегда рано уходит к своей Молли. А в этой старой юбке она, Пэнси, выглядит толстой грязнухой! А руки!.. Она в отчаянии поглядела на свои руки, загрубелые и почерневшие от солнца, и, воображение снова начало рисовать ей невероятные картины. Она представила себя и Молли Уинч рядом раздетыми. Эх, да ведь она вдвое толще этой Молли Уинч! Эта мысль ранила и вместе с тем